

ное увлечение: в свободное время вёл дневник, куда наряду с лирическими описаниями природы и собственных переживаний записывал то, что узнавал как разведчик. Записывал сжато, иносказательно, видимо, рассчитывая на то, что чужой человек не разберётся в содержимом дневника, если вдруг им завладеет. Узнав о дневнике, командование запретило продолжать записи, но Никитин только сделал вид, что подчинился. Ничего дурного в мыслях не было. Борис, вероятно, считал, что после войны собранная им информация окажется полезной, что благодаря ей всех людей, которые помогают партизанам, поощрят. В этих записях оказался «зашифрован» и мой двоюродный дед - Владимир Ильич Давыдов.

В конце января 1942 года большая часть отряда ушла в район деревни Долгое Ульяновского района (с 1944 года относится к Калужской области), где соединилась с Красной Армией.

После небольшого отдыха и специальной подготовки группу партизан из 18 человек под командованием Г.А. Струева направили в тыл врага. Задача — «сосредоточиться в лесу, в районе Мымринского лесхоза, присоединить к себе находящуюся там группу из 13 партизан, вести разведывательную и диверсионную работу, предоставляя 4-му отделу УНКВД через связных 2 раза в месяц разведданные и отчёт о боевой деятельности группы».

28 февраля 1942 года группа Струева, в составе которой находились и братья Никитины, со второй попытки перешла линию фронта, проникла в тыл врага и 3 марта прибыла в назначенное место. Никитины воссоединились с матерью и другими партизанами, всю зиму проведшими в тылу врага.

К этому времени фашисты уже создали на оккупированной территории подконтрольные им гражданские органы власти, полицейские управления. Во многих населенных пунктах располагались немецкие комендатуры, воинские части. Вести разведывательные и боевые действия в таких условиях стало крайне сложно. К тому же, опасаясь репрессий, в отряд пришло около 30 детей партизан. Это лишало мобильности, создавало трудности с маскировкой, дисциплиной.

Фашисты напали на след партизанского отряда, окружили и частично уничтожили, многих взяли в плен. О том, что этот разгром стал следствием предательства, в советское время умалчивали. Теперь можно говорить, не боясь кому-то нанести невольный вред. В областном архиве хранится докладная записка «О деятельности Знаменского партизанского отряда». Направлена она была заведующему организационно-инструкторским отделом ВКП (б) Алексееву инструктором обкома Потёмкиным. В этом документе назван предатель – К.Е. Малахов.

Судьба Григория Струева неизвестна, среди погибших его не оказалось. Виктор Никитин погиб. Его мать и брат сдались. При обыске немцы обнаружили у Бориса дневник с записями и сразу же передали его контрразведчикам дивизионного отдела 1-Ц 134.

Отделы 1-Ц координировали деятельность разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд и групп Абвера. Большое внимание в работе этих отделов уделялось опросу военнопленных и перебежчиков в целях получения новых данных о противнике. Допросы проводились почти всегда сразу после задержания.

Бориса с Елизаветой Акимовной допрашивал офицер отдела 1-Ц 134 пехотной дивизии, отлично знавший русский язык и психологию русских людей. Это был сын украинского заводчика, уроженец Днепропетровска лейтенант Георгий Отто Бадовский.

Потом Борис Никитин перешёл в руки командира карательного отряда «Украинская Гетман-компания» Николая Мирошниченко, в прошлом помощника командира 235-го горнострелкового полка по материально-техническому обеспечению, лейтенанта, кадрового военного, добровольно сдавшегося в плен в сентябре 1941 года под Киевом.

Мирошниченко вначале служил в отделе 1-Ц в должности консультанта. Ему поручалось участвовать в допросах военнопленных, партизан и других патриотов. Когда требовалось применить пытки, он это охотно делал. Если нужные немцам сведения от кого-то получить не удавалось, Мирошниченко пускал в ход оружие.

Предатель в свободное от палаческих обязанностей время выезжал на передний край, чтобы по радиорупору уговаривать советских солдат убивать командиров, политработников и переходить на немецкую сторону.

Мирошниченко оправдал доверие начальника дивизионного отдела 1-Ц 134 обер-лейтенанта Фаля и его заместителя лейтенанта Бадовского. Они ходатайствовали перед командиром дивизии генералом Шлеммером о присвоении предателю звания лейтенанта немецкой армии. Мирошниченко также наградили двумя медалями. Весной 1942 года назначили командиром специального карательного отряда «Украинская Гетман-компания».

«Преданность, неукоснительное выполнение распоряжений немецкого командования и уже имевшаяся на его счету практическая карательная деятельность послужили лучшей характеристикой при рекомендации Мирошниченко на должность командира карательного отряда», – рассказывал позже Бодовский, задержанный советскими контрразведчиками.

Борис Никитин сделал все требуемые фашистами пояснения. После этого он им уже был не нужен. Бориса с матерью расстреляли.

Мирошниченко начал готовить отряд особого назначения «Украинская Гетман-компания» к расправе над жителями Знаменского района, имевшими связь с партизанами.

В июне каратели разместились гарнизоном в деревне Пешково. Они каждый день приводили туда по одиночке или группами задержанных. Это были в основном старики, женщины и дети.

В. И. Давыдов знал, что каратели расстреливают людей, которые помогали партизанам, а также родственников партийных, советских работников, командиров Красной Армии. Он понимал, что надо где-то спрятаться, укрыться от посторонних глаз. Но партизан поблизости уже не было, а в лесу без поддержки извне с малолетними детьми выжить трудно.

Владимир Ильич решил уйти в Вязовую. Там – теща, там – мать, там – все свои. Владимир Ильич понадеялся, что в Вязовой его искать не станут.

Ранним утром 9 июля Владимир Ильич и Мария Васильевна вышли в огород, хотели помочь с прополкой картофеля. Дети ещё спали. Мать Владимира Ильича, Мария Ивановна, принялась за приготовление завтрака, сестра Фёкла пошла по заданию старосты полоть просо.

При немцах сельскохозяйственные работы проводились как обычно. И если раньше всем в хозяйстве управлял председатель, избираемый колхозниками на общем собрании, то теперь руководил староста Ефим Матвеевич Музалевский, назначенный на эту должность оккупационной властью.

В 11 часов пошёл дождь, работать невозможно, женщины с подростками стали собираться домой. В это время на взгорье со стороны деревни Шестаково появился военный отряд. Над полями разносились слова припева русской солдатской песни «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поёт». Женщины, по словам моей матери, подумали, что это свои, что их, наверное, будут эвакуировать.

Большинство из пришедших в деревню были одеты в красноармейскую форму, правда, без петлиц, вооружены русскими винтовками и автоматами. Но кое-где в строю шагали и люди в немецких мундирах и с немецким оружием в руках.

Это был карательный отряд «Украинская Гетман-компания», сформированный из предателей, перешедших на сторону врага. Костяк отряда состоял из украинцев. Немцы с первых дней войны активно использовали украинских националистов против русского населения. Так, например, охрану концентрационного лагеря в Брянске, наряду с немцами, осуществлял 615-й украинский карательный батальон, входивший в карательный полк «Десна», которым командовал первый комендант лагеря Мартин Войзе. Рассекреченные недавно до-

кументы свидетельствуют, что 615-й батальон формировался из военнопленных украинской национальности начиная с весны 1942 года. За два года в лагере «Дулаг-142» было уничтожено 40 тысяч советских военнопленных и мирных граждан, в том числе женщин и детей.

В тот же день ранним утром, до того, как войти в Вязовую, карательный отряд Мирошниченко провёл акцию устрашения в селе Узкое. К зданию сельсовета согнали жителей Узкого и деревень Анникова, Пискулинка, посёлка Горянинский – всего 1160 человек. Каратели оцепили собравшихся, расставили пулемёты. Расстреливали семьями – Наумкиных, Китаевых, Ильиных, Кузнецовых, Линьковых. Анна Линькова пошла на смерть с пятью детьми. А ещё вывели на расстрел Варвару Тюрину с грудным ребёнком. Из 26 человек, приговорённых к смерти, – 10 детей. Когда несчастных людей подвели к заранее выкопанной яме, произошла заминка. Варвара Кузнецова тяжело опустилась на землю, послышался стон, женщина родила.

– Не губите хоть младенца-то, ироды, - послышался из толпы чей-то возглас, – отдайте мне его, воспитаю.

– Чего ещё? Врагов плодить. Всех в яму!

Дочки А.А. Кузнецова, заслонённые толпой от карателей, отбежали в сторону и спрятались в стогу сена. Это заметил заместитель командира карательного отряда Иван Зеркаль, бывший офицер Красной Армии, лейтенант, сдавшийся в плен под Витебском в первые дни войны. Предатель подошёл и очередью из автомата убил детей.

При выходе из Узкого каратели разделились. Одна часть отряда во главе с Мирошниченко пошла в Вязовую, вторая, старший - Зеркаль, направилась в соседнюю с Вязовой деревню Кореево, где были расстреляны 14 человек. Жертвами Зеркаля и подручных стали: Прасковья Фёдоровна Перепёлкина с четырьмя маленькими детьми, Наталья Васильевна Митина тоже с четырьмя малютками и шестнадцатилетняя Маша Родичева с тремя маленькими братьями. Родителей Маши каратели расстреляли ранее в Узком. Маша с братьями пряталась в Плеханово, но местный староста с полицаем Суховым их выследили и привели в Кореево на расстрел.

Позднее на допросах Зеркаль вынужден был признать: «Лично я в этот раз расстрелял молодую красивую девушку с длинными косами. Она держала в руках какую-то книгу и прикрывала ею грудь. Хорошо помню, что я выстрелил в голову. Видел, как после моего выстрела лицо девушки залила кровь, и она замятво упала. Трупы мы не зарывали, так как спешили в деревню Вязовая, куда несколькими часами ранее ушёл «Гетман» для проведения такой же операции».

Дождь не прекращался. Женщины и подростки с тляпками на плечах быстро разошлись по домам. Военные расположились около дома